

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАРИИ...
ТЫ ЛУЧШЕЕ, ЧТО СО МНОЙ
КОГДА-ЛИБО СЛУЧАЛОСЬ.

Чем значительнее трудность, тем больше славы
в ее преодолении. Умелые рулевые зарабатывают
репутацию в штормах и бурях.

Эпиктет

ПРОЛОГ

Последний человек на Земле знал, что чудовища устроили на него охоту. И неважно, что он уже умер и был обречен на ад: твари все равно от него не отстанут.

По развалинам города их с собакой вели вперед молнии. Они двигались во тьме очень осторожно, его поджарое, все в шрамах тело плотно облегал противорадиационный костюм. Примерно такой же был и на Майлзе, его сибирском хаски.

Пес повернулся на шум, донесшийся из кучи щебня. С нее скатилась бутылка, подпрыгнула и у подножия разбилась вдребезги. По вершине хлестнул ветер, подхватил алюминиевую банку и унес прочь.

Мужчина водил штурмовой винтовкой из стороны в сторону в поисках цели. Видеть тварей он не мог, но чувствовал — они здесь.

Майлз невозмутимо потрусил дальше.

Впереди все было чисто, но человек знал, что дорога коварна. Опасливо ступая по заваленному обломками полю, он медленно скрылся в проходе меж осыпавшимися развалинами городского квартала. Его путь усеивали почерневшие куски железа с кровоподтеками ржавчины. Их зазубренные концы без труда могли пропороть его костюм.

Он остановился и подал Майлзу сигнал замереть. Пес сел, и они застыли, ожидая, когда сполох молнии озарит путь. Человек прекрасно изучил эту дорогу и запомнил, где таятся главные опасности, но каждый его шаг все равно мог обернуться гибелью.

Несколько месяцев назад их чуть не сожрала воронка, лежавшая теперь шагах в пятнадцати от них. Еще через двадцать за ней высилась стена, оцетинившаяся острой арматурой, о которую он до этого уже дважды рвал костюм.

Но наибольшую угрозу — если не считать монстров — несли в себе заросли произраставших здесь ядовитых сорняков. Сколько бы он ни рубил их мачете, они все равно поднимались, еще выше и гуще прежнего. Его их жала только покалечили бы, но вот собаку могли и убить.

Освежеванные железные ребра старого здания озарила вспышка. Свет от нее не пропал

зря. Человек никогда не упускал возможности им воспользоваться. Он быстро повел стволом винтовки в стороны в поисках неприятеля, бросил взгляд на смертоносные сорняки, медленно двинулся дальше и исчез в чреве здания.

Над головой боевым барабаном громынул гром, подхлестнув его двигаться. Он прислушался, пытаясь определить, не примешиваются ли к нему и другие звуки: топот когтистых лап или, что хуже всего, загробный вой сирен.

Но на этот раз они молчали. То, что на них охотилось сегодня, было монстром совсем другого рода.

Они с Майлзом молча двигались по мертвой, выпотрошенной оболочке строения — того, еще из старого мира. Вокруг костями какой-то гигантской зверюги высились стальные балки. Когда он впервые сюда забрел, то вспомнил о скелетах динозавров, которых видел в детских книгах.

Следующий разряд молнии выхватил из мрака две кучки окаменелых костей, на этот раз уже настоящих. Впереди в позе зародышей свернулись в грязи два человека. Скелет побольше прижимал к себе маленький — мать закрыла собой ребенка от взрыва, сровнявшего город с землей сотни лет назад.

При виде этой картины человек попытался понять, чувствует ли он хоть что-то. В мозг хлынули воспоминания, но он их по привычке отогнал. У проклятых нет права на чувства.

Прежняя жизнь теперь казалась ему бесконечно далекой, и он никак не мог понять, чем заслужил столь страшное наказание. Тогда, два года назад, какая-то его часть даже хотела умереть там, в небе — чтобы его поджарила молния или схватили крылатые охотники. Но у него был Майлз. Пес и мечта — и больше ничего.

Они упорно шли дальше сквозь завалы к той единственной цели, которая постоянно заставляла его нырять во мрак. Сегодня ему в последний раз предстояло проверить, нет ли сообщений по радио. Если на его сигнал бедствия не будет ответа, он, наконец, уйдет из Гадеса.

Два года он надеялся услышать хоть что-нибудь от тех, кто остался в небе. Два года вместе с Майлзом копался в отбросах в поисках еды и всяческих приспособлений, чтобы продержаться до прибытия помощи. Они избегали чудовищ, а когда больше не было сил бежать, вступали с ними в бой.

Время текло незаметно, особенно когда он понятия не имел, день стоит или ночь. Его жизнь проходила во тьме, а от пометок на стене он отказался уже больше года назад. По мере того как дни складывались в месяцы, а месяцы в годы, до него дошло, что от ада спасения нет — и нет выхода из него. Попытайся он сейчас уйти, придется бросить еду, припасы и единственный источник воды. Переход по мертвой пустоши за пределами Гадеса, по всей видимости, будет означать для них обоих смерть.

Время представляло собой все — и вместе с тем ничего. С его неспешным бегом подробности прежней жизни крошились, словно кости, обращавшиеся в прах. Ему все труднее было вспомнить голоса и лица тех, кого он потерял.

Именно так он узнал, что умер. Тело его, может, еще и жило, но одиночество и оторванность от мира убили его душу.

Тем не менее он сохранил в себе что-то человеческое. Возможно, привязанность к Майлзу. Он защищал пса, как когда-то защищал людей.

Через безжалостный мир, который люди когда-то называли домом, его вело и что-то еще. Это было сильнейшее желание бороться, разьедавшее его до мозга костей, подобно раку, и он не мог справиться с ним.

Перед мерцающими кустами Майлз замер. Из тумана потянулись щупальца с усеянными иголками присосками, и человек поманил пса к себе.

Ветер опасно накренил сорняки, и он отошел еще на шаг. Год назад он чуть не умер, когда такое щупальце ужалило его в ногу. У него до сих пор сохранился шрам от присоски — еще одна метка на его израненной плоти.

Он поднял винтовку и еще раз внимательно осмотрелся. Чтобы выжить, нужно всегда быть начеку. У Майлза были чуткие уши и глаза, но обоняние притупляла маска, которую ему приходилось носить.

Человек прислушался, сосредоточенно посмотрел по сторонам и пустил собаку вперед. До

бункера «Индастриал Тек Корпорейшн» теперь было недалеко, но он скрывался глубоко в городском чреве.

Молнии вели их вперед, через остовы зданий, напоминавшие скелеты. Мужчина вытащил махете и стал рубить кусты, что преграждали им путь. Отростки валялись на землю и извивались, словно обезглавленные змеи. Он аккуратнo вытер о землю липкий сок и вложил клинок в ножны. К новым зарослям они подошли сбоку. Стебли, ощутив их присутствие, мгновенно пробудились, задвигались и мигнули тусклым розовым сиянием. Как и большинство других форм жизни на поверхности, они тоже были плотоядные.

В небе громыхнуло. Человек поднял глаза и посмотрел на вихрь из туч и статического электричества. Шторм набирал силу.

О щиток шлема ударилась капля. В следующее мгновение небо расколосось, обрушив на город стены радиоактивного, кислотного дождя. Напуганный громом Майлз прижался к его ноге.

Человек подумал было вернуться в убежище, но потом все же решил бросить буре вызов. Он почти дошел до того самого места, где год назад нашел Майлза. Они двинулись дальше мимо светящихся кустов, пес трусил рядом, стараясь не отставать. Сияние, пульсировавшее вдоль тропинки, выглядело зловеще, но вместе с тем прекрасно. То, что даже здесь была жизнь, давало надежду на то, что земля, возможно, когда-нибудь вновь зацветет.

Ад не может быть вечным.

Громкий, будто выстрел из дробовика, раскат грома вырвал его из размышлений, молния электрической дугой врезалась в кучу мусора высотой в три этажа на восточной оконечности открытого тоннеля. На глыбы кирпича и арматурные штыри дождем посыпались искры.

Человек сделал шаг вперед, но заметил какое-то движение и замер. Одновременно с ним Майлз припал к земле, чуть прополз и глухо зарычал.

Человеческие глаза видели хуже собачьих, поэтому ему пришлось прищуриться. Дождь колотил вокруг, пока он ждал очередной вспышки света. До того, как полыхнувшая над головой молния выхватила из мрака силуэты городских кварталов, прошло три секунды. Теперь щуриться было не обязательно.

Он инстинктивно опустил палец на спусковой крючок, а когда увидел охотившихся на них тварей, в груди забилося мертвое сердце. Он ошибся. Все это время его преследовали сирены — многие сотни их скользили по кучам строительного мусора.

Так много сирен он еще никогда не встречал.

Человек попытался пошевелиться, однако ноющие мышцы оцепенели. Если в полной неподвижности замереть, то твари, может, их и не найдут. В конечном счете, у него не было ни батарейного блока, ни другого источника энергии, способного их к нему привлечь.

Тяжело сглотнув, он смотрел, как они стаей несутся прямо к ним с псом. Он не мог ни убежать от них, ни всех их одолеть. Гадес, наконец, его победил. Что самое удивительное, перед лицом неминуемой смерти его печалило только одно — Майлз. Смерть собаки будет на его совести.

Кусты вдруг полыхнули ярче, вместо розового засияв жгуче-алым. Сирены взвыли громче и ринулись вперед. Твари явились за растениями, а не за ним.

Их пронзительные вопли перекрыли даже раскаты грома.

От этого звука, сколько он его ни слушал, в жилах по-прежнему стыла кровь.

Майлз попятился, человек рывком пришел в движение и побежал, тяжело топоча ботинками по грязи. Пес юркнул в образовавшуюся в бетоне щель, но человеку, чтобы протиснуться в узкий проем, пришлось притормозить, втянуть живот и опустить винтовку. Снаружи торчал арматурный прут, но человек поднырнул, преодолел препятствие, ничего не порвав, и ринулся дальше. Затем перемахнул через заросли светящихся сорняков. Ботинки ударились о землю, расплескав вокруг жижу, и увязли в ядовитой грязи. Он вытащил их и помчался дальше.

Майлз ждал его.

С трудом переводя дух, человек сосредоточился на выходе из тоннеля. Тот вел на одну из городских улиц, по бокам его обрамляли покосившиеся конструкции. Здесь располагался один из объектов ИТК, и здания спроектиро-

вали так, чтобы они пережили апокалипсис. Людям в этом плане не повезло.

Визг перешел в давно знакомый вой, напоминавший аварийную сирену. Человек повернулся и бросил взгляд на монстров, заползавших в тоннель. Ветки кустов колыхались взад-вперед, к безглазым тварям на ощупь тянулись щупальца. Человек на миг остановился, чтобы поглядеть на кормежку сирен, которые рвали стебли и запихивали щупальца в обрамленные острыми зубами пасти.

Когда одна из зверюг, жевавшая светящийся побег, повернула к нему голову, он отпрянул. В груди гулко забилося сердце. Кожистое, безглазое лицо сосредоточилось на нем. Тварь выплюнула ветку, которой до этого чавкала, и издала пронзительный вой.

К нему обратились сразу две дюжины конических голов. Будто в ответ на их вой наверху грянул гром.

— Бежим! — крикнул он собаке.

Человек почувствовал, как по спине бежит холодок смертельного ужаса, но тут же его отогнал. Впечатывая в землю ботинки, он расправил плечи и дал очередь по сирене, которая неслась к нему первой. Выстрел оказался точным, в толстый череп вонзились пули. Когда сирена шмякнулась о землю, та потемнела от крови. Он снова выстрелил и срезал двух тварей слева от него. Остальные рассыпались в стороны — некоторые поднялись в небо, другие бросились к кучам токсичного мусора, чтобы найти там укрытие.